

12+

Михаил Журавлев

Посредник

Михаил Журавлев

Посредник

«Издательские решения»

Журавлев М.

Посредник / М. Журавлев — «Издательские решения»,

В полумраке храма, где воздух пропитан запахом ладана и воска, мерцают огоньки свечей. Их дрожащий свет едва разгоняет густую тьму, скрывающую своды и лики святых на иконах. В центре, перед алтарём, стоит старец в простой монашеской рясе. Его лицо изборождено морщинами, а глаза, глубокие и пронзительные, устремлены на распятие. Он молчит, но его молчание громче любого крика. В нём — вся тяжесть прожитых лет, сомнений и веры, которая не раз подвергалась испытаниям.

© Журавлев М.

© Издательские решения

Содержание

Посредник	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Посредник

Михаил Журавлев

© Михаил Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0070-3277-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посредник

Глава 1

В полумраке храма, где воздух пропитан запахом ладана и воска, мерцают огоньки свечей. Их дрожащий свет едва разгоняет густую тьму, скрывающую своды и лики святых на иконах. В центре, перед алтарём, стоит старец в простой монашеской рясе. Его лицо изборождено морщинами, а глаза, глубокие и пронзительные, устремлены на распятие. Он молчит, но его молчание громче любого крика. В нём — вся тяжесть прожитых лет, сомнений и веры, которая не раз подвергалась испытаниям.

Внезапно тишину нарушает скрип тяжёлой двери. На пороге появляется юноша. Его одежда запылена, лицо бледно, а в глазах читается не усталость тела, а изнеможение духа. Он делает несколько неуверенных шагов внутрь, словно боясь нарушить покой этого места. Старец медленно поворачивает голову. Их взгляды встречаются. В этом мгновении нет слов, но между ними возникает невидимая нить — связь ищущего и знающего.

— Зачем ты пришёл сюда? — голос старца звучит тихо, но в нём слышится стальная твёрдость.

Юноша опускает голову, словно под тяжестью невидимого груза. — Я ищу... — начинает он, но голос срывается. Он делает паузу, собираясь с силами. — Я ищу ответ. Но чем дольше я ищу, тем больше вопросов рождается в моей душе. Я видел мир за этими стенами. Я видел боль, несправедливость и смерть. Я видел, как молятся о чуде те, кто обречён. И я спрашиваю: где же Он? Где Бог в этом океане страданий?

Старец не отвечает сразу. Он медленно подходит к одной из икон, снимает с подсвечника огарок свечи и зажигает его от лампады. Пламя вспыхивает, освещая суровый лик святого. — Ты хочешь увидеть Бога? — произносит он наконец, не оборачиваясь. — Но готов ли ты к этому? Бог — не ответ на вопрос. Бог — это сам вопрос. Он — тишина, которая наступает после грома. Он — свет, который рождается из тьмы.

Юноша делает шаг вперёд. В его движениях появляется решимость. — Я не хочу тишины! — восклицает он почти с отчаянием. — Я хочу справедливости! Если Он всемогущ, почему Он позволяет детям голодать? Почему праведники страдают, а злодеи процветают? Моя вера... она тает, как снег под солнцем.

Старец медленно оборачивается. В его взгляде нет осуждения, только глубокая печаль и сострадание. — Вера не в том, чтобы не видеть тьмы, сын мой. Вера в том, чтобы нести свет даже тогда, когда тьма кажется бесконечной. Ты пришёл сюда за доказательством. Но вера не требует доказательств. Она требует жертвы.

Юноша смотрит на свои руки, сжимая и разжимая кулаки. — Какую жертву я могу принести? У меня ничего нет.

Старец подходит ближе и кладёт свою морщинистую руку на плечо юноши. Прикосновение лёгкое, но от него по телу пробегает дрожь. — У тебя есть самое ценное — твои сомнения. Принеси их на алтарь. Отдай их Ему. И тогда ты поймёшь: Бог не в ответах. Бог — в самой борьбе.

В храме становится ещё тише. Лишь потрескивание свечей нарушает безмолвие. Юноша поднимает глаза на распятие. В полумраке фигура Христа кажется живой. В этот момент он чувствует не облегчение, а странное успокоение — осознание того, что его боль не бессмысленна и что он не одинок в своём поиске истины.

Глава 2

Тишина храма внезапно раскололась. Не голосом, не криком, а глухим, тяжёлым ударом, от которого задрожали старые половицы. Старец вздрогнул и резко обернулся к двери. Его лицо, только что бывшее спокойным и мудрым, исказилось гримасой тревоги. Юноша непонимающе посмотрел на него, а затем перевёл взгляд на вход.

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену, и в проёме возникли две фигуры в чёрных кожаных плащах. Это были не паломники и не странники. Их лица были суровы и лишены эмоций, а глаза холодно скользили по внутреннему убранству храма, словно оценивая стоимость каждого предмета. Один из них, высокий и широкоплечий, сделал шаг вперёд, и его тяжёлые сапоги гулко застучали по каменному полу.

— Так-так, — произнёс он низким голосом, в котором не было ни капли уважения к святому месту. — Какая трогательная сцена. Молитва? Исповедь? Или просто воркуете о вечном?

Старец выпрямился, закрывая собой юношу. Его голос прозвучал твёрдо, но в нём слышалась скрытая угроза: — Это дом Божий. Уходите с миром.

Второй мужчина, более худой и подвижный, криво усмехнулся и прошёлся вдоль стены, небрежно касаясь рукой икон. — Дом Божий? — переспросил он с издёвкой. — А нам сказали, что это склад. Очень удобный склад в тихом месте. И старенький сторож при нём.

Юноша почувствовал, как холод сковывает его тело. Он понял, что это не грабители в обычном смысле слова. Они пришли не за парой серебряных подсвечников. Их интересовал сам храм.

— Вы не получите здесь ничего, — голос старца окреп. — Эти стены видели больше, чем вы можете себе представить. Они стоят на крови мучеников.

Высокий мужчина остановился прямо перед старцем. Он был на голову выше и гораздо сильнее физически. — Мучеников? — он расхохотался, но смех его был сухим и безжизненным. — Сейчас мы покажем тебе мученика.

В его руке блеснул металл. Юноша не успел осознать, что произошло. Раздался короткий, страшный звук удара, и старец пошатнулся, схватившись за бок. Между его пальцами проступила тёмная кровь. Он медленно опустился на колени, но его взгляд не потерял своей силы. Он смотрел прямо в глаза своему убийце.

— Бог... видит... — прошептал он, и слово повисло в воздухе, тяжёлое и неотвратимое.

Мир для юноши перевернулся. Всё философские споры о вере, о сомнениях и жертве мгновенно обесценились перед лицом этой грубой, животной жестокости. Его наставник, его якорь в бушующем море жизни, умирал у него на глазах.

— Нет! — крик вырвался из груди сам собой.

Худой мужчина резко обернулся и направился к нему. — А это кто у нас? Свидетели нам не нужны.

Юноша попятился, пока не упёрся спиной в холодный камень стены. Бежать было некуда. В голове была звенящая пустота. Он смотрел на приближающуюся смерть и вдруг осознал одну простую вещь: он не хочет умирать вот так — покорно, как овца на заклании.

Внезапно взгляд юноши упал на пол рядом с собой. Там, у стены, лежал тяжёлый бронзовый подсвечник, забытый или оставленный кем-то из служек. Он был древним, массивным, потемневшим от времени. Не думая больше ни о чём, юноша схватил его дрожащими руками.

Когда убийца подошёл вплотную и протянул руку, чтобы схватить его за ворот, юноша действовал на чистом инстинкте самосохранения. Он взмахнул подсвечником со всей силой отчаяния и ярости, которая клокотала в нём. Раздался глухой удар металла о череп. Мужчина охнул и рухнул на пол как подкошенный.

Наступила оглушительная тишина. Высокий мужчина замер над телом старца и медленно перевёл взгляд на юношу, который стоял с подсвечником в руках над поверженным врагом. В глазах убийцы промелькнуло что-то похожее на уважение.

— А ты не так прост, как кажешься, — процедил он сквозь зубы.

Юноша тяжело дышал. Его руки дрожали, но он крепче сжал своё оружие. Он только что убил человека. Или спас свою жизнь? В этот момент грань между добром и злом перестала быть для него абстрактным философским понятием. Она стала острой гранью бронзового подсвечника.

Старец на полу издал тихий стон. Он был ещё жив. — Беги... — прошептал он так тихо, что юноша скорее прочитал это по губам, чем услышал.

Но юноша не мог бежать. Он стоял над телом человека, которого только что лишил жизни, и смотрел в глаза тому, кто собирался убить его наставника. Религиозная драма превратилась в борьбу за выживание здесь и сейчас.

Глава 3

Убийца не бросился в атаку. Он не выхватил нож, чтобы отомстить за павшего товарища. Вместо этого он медленно, почти лениво, отступил на шаг назад и окинул взглядом поле боя. Его глаза, холодные и расчётливые, скользнули по телу старца, по бездыханному напарнику и, наконец, остановились на юноше, который всё ещё сжимал в руках окровавленный подсвечник. На его губах появилась кривая, циничная ухмылка.

— Неплохо для молящегося, — протянул он, и в его голосе не было гнева, лишь профессиональная оценка. — Движения рваные, но удар поставлен. Где-то тренировался? В подвалах? На монастырском дворе?

Юноша не отвечал. Он был парализован. Руки дрожали так сильно, что подсвечник со звоном упал на каменный пол. Этот звук разорвал тишину, вернув его в реальность. Он только что убил человека. Грех убийства, самый тяжкий из всех, теперь лежал на его душе каменной плитой. Он посмотрел на свои руки — они были в крови. Не в символической крови жертвы, а в самой настоящей, липкой и тёплой.

— Ты... ты убил его! — голос юноши сорвался на хриплый шёпот. Он перевёл безумный взгляд на старца.

Но старец был жив. Он лежал на боку, прижимая руку к ране на боку, и смотрел на происходящее с пугающим спокойствием. Его взгляд был прикован не к юноше, а к стоящему перед ним убийце.

— Уходи... — прошептал он снова, но теперь его слова были адресованы не юноше.

Убийца проигнорировал его. Он сделал шаг в сторону, обходя тело своего товарища, и присел на корточки рядом с одним из упавших подсвечников. Он поднял его, повертел в руках, рассматривая узор. — Тяжёлый. Качественная работа. Наверное, лет двести ему, — он говорил так, будто находился на антикварном рынке, а не в храме после поножовщины. — Знаешь, почему я не убиваю тебя сейчас? Потому что ты сделал грязную работу за меня. Этот идиот, — он небрежно пнул ногой тело напарника, — был обузой. Слишком много болтал о «вышей цели» и «божественном промысле». А я человек простой. Я верю в звон монет и остроту клинка.

Он выпрямился и посмотрел прямо на юношу. — Ты думаешь, это храм? — он обвёл рукой полумрак. — Это просто камни и доски. А твой святой отец... — он кивнул на старца, — он такой же торговец, как и я. Только товар у него другой. Он продаёт надежду отчаявшимся. И берёт за неё очень высокую цену.

Старец закашлялся, на его губах выступила кровь. — Не слушай его... это ложь...

— Ложь? — убийца расхохотался. — А что есть истина? Я скажу тебе правду. Вас обоих использовали. Вас привели сюда, чтобы вы сделали то, что сделали. Ты убил его, — он указал на юношу, — а я должен был убить тебя. Но план изменился. Теперь ты мне нужен живым.

Юноша ничего не понимал. Голова шла кругом от боли, страха и запаха крови. — Кто... кто вас послал?

Убийца подошёл ближе и заговорщически понизил голос: — Тот, кто стоит над всеми вашими святыми и грешниками. Тот, кто дергает за ниточки. Вы думаете, что боретесь за веру? Нет. Вы боретесь за власть. За контроль над умами. И сегодня ты стал пешкой в игре, правил которой даже не знаешь.

Он протянул руку. — Брось эти бредни о грехе и покаянии. Ты уже замаран. Иди со мной. Я научу тебя выживать в реальном мире. Там, где нет Бога, а есть только ты и твой клинок.

Юноша отшатнулся от протянутой руки, как от змеи. — Нет... я... я не могу...

Внезапно старец из последних сил приподнялся на локте. Его голос прозвучал слабо, но с невероятной властью: — Он лжёт... чтобы сломить тебя... Не верь... его тьма...

Убийца поморщился, словно от зубной боли. — Заткнись, старик. Ты уже проиграл.

Он снова посмотрел на юношу. — Выбор за тобой. Останешься здесь и сдохнешь вместе с этим фанатиком. Или пойдёшь со мной и получишь силу, о которой даже не смел молиться своему Богу.

Юноша стоял на перепутье. Перед ним был не выбор между добром и злом в их классическом понимании. Перед ним был выбор между одной ложью и другой. Между ложью сострадательной веры умирающего старца и циничной правдой безжалостного убийцы.

Глава 4

Тишина, повисшая после слов убийцы, была густой и вязкой, как смола. Юноша стоял, не в силах пошевелиться, разрываемый на части. С одной стороны — умирающий старец, символ веры, которая только что привела его к самому страшному греху. С другой — этот человек, воплощение цинизма и силы, предлагающий не спасение души, а спасение тела. Выбор был иллюзорен: оба пути вели во тьму.

И вдруг тишину пререзал новый звук. Это был не скрип двери и не стон раненого. Это был тихий, но отчётливый смешок.

Он исходил не от убийцы и не от юноши. Он исходил от старца.

Убийца резко обернулся, его рука инстинктивно дёрнулась к поясу, но ножа там уже не было — он так и остался торчать в боку монаха. — Что смешного, святой отец? — процедил он с нескрываемым раздражением. — Видишь свою паству? Она выбирает не тебя.

Старец медленно убрал руку от раны. Под его пальцами не было свежей крови. На грубой ткани рясы расплывалось тёмное пятно, но сама рана... её не было. Кожа под его пальцами была гладкой, лишь с небольшим розоватым шрамом, который на глазах светлел и исчезал.

Юноша моргнул, решив, что это игра света или предсмертный бред его измученного разума. Но то, что произошло дальше, заставило усомниться в реальности всего происходящего.

Старец с неожиданной лёгкостью поднялся на ноги. Его спина распрямилась, морщины на лице словно разгладились, а в глазах вспыхнул огонь, который был ярче пламени свечей. Он больше не выглядел немощным стариком. В нём чувствовалась древняя, первобытная сила.

— Ты прав в одном, — голос старца изменился. Он больше не был тихим и надтреснутым. Теперь он гремел под сводами храма, заставляя дрожать сами камни. — Это просто камни и доски. Но они — лишь сосуд.

Убийца попятился. Его самоуверенность испарилась, уступив место первобытному страху. — Что за чертовщина... Ты же должен быть мёртв!

Старец сделал шаг вперёд. С каждым его шагом воздух в храме становился тяжелее, словно наливался свинцом. — Я умер много лет назад, когда принял сан. Моя жизнь принадлежит не мне. И этот юноша... — он указал на остолебеневшего парня, — ...он пришёл сюда не за ответами на вопросы. Он пришёл за крещением огнём.

Юноша почувствовал, как по его телу пробегает волна жара, а затем холода. Рана на его душе, оставленная убийством, не исчезла, но перестала кровоточить отчаянием. Он смотрел на свои руки и видел не кровь убитого им человека, а нечто иное — призрачное свечение, которое впитывалось в его кожу.

— Ты лгал ему! — прогремел голос старца, обращаясь к убийце. — Ты говорил о власти и контроле над умами. Но ты сам — марионетка! Тебя послали не убить меня. Тебя послали стать катализатором. Твоё насилие должно было пробудить то, что спит в нём.

Убийца затравленно озирался, ища путь к отступлению. — Я не понимаю... Кто ты такой?!

Старец остановился. Он больше не приближался, но его присутствие заполняло собой всё пространство храма. — Я — хранитель печати. А он... — старец посмотрел на юношу с безграничной любовью и строгостью одновременно, — ...он — ключ. И ты только что повернул этот ключ в замке своим клинком.

Внезапно тело мёртвого напарника убийцы начало светиться изнутри тем же призрачным светом. Свет становился всё ярче, пока не превратился в ослепительную вспышку. Когда юноша снова смог видеть, на полу лежала лишь горстка серого пепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.